

Военная фантастика

Сергей Протасов

ЦУСИМСКИЕ ХРОНИКИ

Мы пришли
Новые земли
Чужие берега

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П83

Серия «Коллекция. Военная фантастика»

Выпуск 33

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Протасов, Сергей Альбертович

П83 Цусимские хроники: Мы пришли. Новые земли. Чужие берега: сборник / Сергей Протасов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2021. — 896 с. — (Коллекция. Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-138287-2

Николай Нестеренко знал все о Цусимском сражении... После несчастного случая его сознание временно переместилось в голову вице-адмирала Рожественского. Узнав, чем закончится поход его эскадры, «первый после Бога» организовал во время перехода и вынужденных стоянок полноценную и эффективную боевую подготовку с использованием всех последних достижений военно-морской мысли того времени. Обученные экипажи и решительные офицеры превратили разношерстное сборище кораблей в грозную силу, сумевшую за два дня боев круто изменить ход русско-японской войны. Но первый раз Цусима — это только начало...

Пусть все получилось не совсем так, как планировалось, но все же действия, предпринятые Рожественским после прорыва эскадры во Владивосток, оказались успешными. Но этого мало...

Тихоокеанский флот вынужден искать новые способы ведения морской войны. Не имея возможности одолеть противника в прямом противостоянии, приходится искать его уязвимые места и бить только по ним. Теперь определяющим становится не «кто кого побьет», а «кто кого передумает».

И все пути снова ведут к Цусиме.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-138287-2

© Сергей Протасов, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Мы пришли

Пролог

Был поздний вечер пятницы. Ноябрь. Колька Нестеренко, хотя нет, Колькой он был лет двадцать — двадцать пять назад, а теперь Николай Иванович Нестеренко, механик хладокомбината пробирался домой по темным улочкам своего родного поселка.

Пробирался, потому что весь день шел дождь, а к вечеру заморозило, так что дорога, тротуары и стены домов блестели как стекло, и идти совсем не получалось. Можно было лишь пробираться мелкими шажками, избегая любых мало-мальски наклонных поверхностей.

День выдался непростым с самого утра. Механик на мелком предприятии — это и снабженец, и слесарь, а иногда даже и технолог в одном лице. Разные проверки, опять же. Снова все на нем. Начальство за все отвечает, а механик все обеспечивает. Как — это уже его проблемы. Задача поставлена, будь любезен, выполняй.

Вот и сегодня с утра озадачили, что к обеду приедет проверка по линии СЭС из области. В связи с очередной эпидемией очередного птичьего гриппа. Инженер-технолог уже третий день был на больничном по причине этого самого гриппа у одного из своих сыновей. А куда деваться, зарплата жены в два раза больше, поэтому бюллетенил у них в семье всегда он. Исходя из этого, все хлопоты достались исключительно Николаю Ивановичу.

Нет, на производстве у них был полный порядок, и директор за любое нарушение драл по три шкуры, все же страну кормим. Но проверка в любом случае проверка. И приезжает не для того, чтобы обнаружить полное соблюдение санитарно-гигиенических норм и технологии производства и хранения продуктов и полуфабрикатов. Где-то в чем-то всегда найдутся изъяны. Бумаги соответствующие напишут, укажут руководству на недостатки. А потом уедут в полной уверенности, что тот ящик масла и коробка мясной вырезки килограммов под десять — пятнадцать в багажнике их служебной «Волги» образовались там сами собой и исключительно благодаря их заслугам.

Так было и в этот раз, только ассортимент багажника несколько расширился. В нем нашлось место еще коробке шоколада и пяти батонам колбасы разных сортов. Николая это все корбило, но деваться-то было некуда. С работой в поселке с каждым годом становилось все туже, а ездить на вахту на месяц от семьи, где трое ребятишек двух, четырех

и семи лет, он категорически не хотел, поэтому и терпел, приспособлялся.

Семью свою он любил, и его любили и понимали. Да и вообще, у них дома хорошо все было. Даже несмотря на вечную свою занятость, Кольке удавалось выкроить время, так сказать, «для души». А душа у него еще с детства к кораблям прикипела. В поселковой библиотеке он уже к двенадцати годам перечитал по два-три раза все книжки, хоть как-то касавшиеся флота, особенно эпохи брони и пара. Вот и сейчас он нес домой новую книгу — о Цусимском сражении. Сегодня, совершенно случайно, пробегая мимо витрины книжного магазина, зацепился взглядом за обложку и не удержался — купил. Так что этим вечером, кроме обычных стимулов, тянущих семейного человека домой после трудного рабочего дня, был и еще один. Невтерпеж было завалиться на диван и наконец открыть эту книгу.

В предвкушении этого момента он немного зазевался, и ноги скользнули на коварном льду. Пытаясь удержать равновесие, Николай взмахнул руками, извернулся так, что где-то в боку мышцы затянуло, а все позвонки смачно хрястнули, и рухнул на колено, сильно зашибив его о тротуар. Не любил Колька материться, но тут само вырвалось.

От боли даже в глазах засверкало и все поплыло куда-то. Так и растянулся на льду в полный рост. Чуток полежав так и придя в себя, начал вставать на ноги. Пытаясь подняться, оперся на руки, встал на четвереньки и подполз к железному ограждению вдоль бордюра. Боль вроде бы стихала, нога двигалась, значит цела. Перебирая прутки ограждения, он уже почти поднялся и в этот момент увидел выскочившую из-за поворота желтую «Ниву». Кроме штатных фар на ней были еще четыре штуки на «кенгурятнике», и неслась она так, как будто не лед был кругом, а сухой асфальт.

Ослепленный мощным светом, Николай прикрывшись рукой, но фары вдруг ушли в сторону, и он увидел, что прямо на него несется желтый бок автомобиля. В «Ниве» сидели четверо молодых парней и смотрели на него широко раскрытыми глазами. При этом все четверо что-то орало, а тот, что был за рулем, бестолково крутил его во все стороны, пытаясь поймать дорогу.

«Чего ж ты крутишь-то так, баран! Теперь уже бесполезно! Зачем гнал-то ты так!» — промелькнуло в Колькиной голове. Отпрыгнуть в сторону он уже не успевал, ноги никак не хотели стоять на льду. Оставалось только попытаться взобраться на ограждение, чтобы потом перескочить с него по верху через машину, благо багажника на крыше не было. Но ботинки подскользнулись на стылом железе, и Николай повалился на бок, успев лишь выставить вперед руки, почти сразу, с ходу упершиеся в задний левый угол крыши. Руки тут же отбило вверх, а по ногам, груди и животу машина ударила всем боком — и все...

Он уже не видел, как его швырнуло в стену дома, в которую спустя доли секунды впечаталась и сама «Нива», всего в десяти сантиметрах

от его головы. Мощная яркая вспышка погасила все вокруг, а в уши хлынула липкая ватная тишина. Затем эта вспышка сошлась в круглое пятно, где-то впереди. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее Николай поплыл в этот светлый круг, не в силах пошевелить ни одним мускулом. Вдруг где-то над головой раздался стальной лязг, и властный голос скомандовал: «Задрать люки! Срочное погружение!» Свет впереди тут же погас. Вокруг была абсолютная тьма и тишина.

Первое, что Николай почувствовал, была легкая качка. Как на корабле. Затем было тепло постели и легкая вибрация. Затем появился звук... Это был звук работающей паровой машины, шедший откуда-то из глубины всего того, где он сейчас находился. Продолжая прислушиваться к себе, Николай пролежал так еще несколько минут. Несмотря на то, что руки-ноги были явно целы, потому что нигде ничего не болело, хоть сколько-нибудь пошевелиться не удавалось. Даже глаза открыть.

Холодный ужас захлестнул его, поднявшись откуда-то изнутри. Неужели все! Приплыли!

И тут же чей-то чужой голос где-то совсем рядом переспросил: «Что вы имеете в виду? И вообще, кто здесь?»

Ничего себе! Кто здесь?! Где здесь?! Раздвоение личности у меня, что ли?! Шизофрения?! Или это я головой так приложился, что мерещится всякое?!

А рядом кто-то начал быстро нашептывать молитву, поминая Николая Угодника. Это было совсем странно. Должны же были в больницу везти, а я, похоже, в церковь угодил, подумал Николай.

И тут же этот голос: «Как в больницу?! Почему?! Какая же больница в походе?! Это просто сон! Сейчас все пройдет!»

Николай решил помолчать и просто подождать продолжения, тем более что сам он ничего сделать по-прежнему не мог.

Второй голос закончил молиться, и глаза открылись. Но это были не Колькины глаза. Он как бы смотрел через них, но не управлял ими совершенно, так же как и всем остальным телом, которое начало подниматься с постели. Руки потеряли лицо, но при этом Николай снова ничего не почувствовал. Он жадно осматривал место, в котором оказался. Судя по всему, это была просторная каюта на большом корабле. В иллюминаторе виднелось море, где-то далеко внизу. Рядом с кроватью бельевой шкаф, тумбочка, книжная полка. Много книг на русском языке. Все вокруг было каким-то старинным, хотя еще совсем новым и не обшарпанным.

К этому времени Колька уже понял, что если думать тихо, как бы про себя, шепотом, то этот другой ничего не слышит. И решил, что это, наверно, наркотоз на него, то есть на Николая, так действует. Лежит он сейчас себе на операционном столе, а его после этой желтой «Нивы» латают, вот и мерещится всякое. О другом даже и помыслить боялся. Поэтому решил отнестись ко всему, что видел, как к фильму. Просто просмотреть до конца, и домой.

Между тем хозяин тела, в котором болтался сейчас Колька, занялся утренним туалетом. «Елки-палки, да у нас тут своя ванная!» — не удержавшись, мысленно воскликнул Николай, когда его носитель открыл дверь в соседнюю комнату.

Того как подкосило. Он сел прямо на пол, нет — на палубу каюты, и забормотал что-то невнятное. Удалось только разобрать «Кажется, я с ума схожу!»

Понемногу тот, другой, успокоился и начал одеваться. При взгляде на него в зеркало Николая посетила мысль, что он знает этого человека. Прямой взгляд, правда, изрядные мешки под глазами. Лицо холеное. Недлинная борода, усы. Шишка, судя по всему, не маленькая. Адмирал, наверное, какой-то. А флот еще явно царский. В знаках различия он не разбирался, но, судя по мундиру и каюте, выходило так.

Закончив одеваться и осмотрев еще раз себя в зеркале, Колькин носитель заглянул в соседнее помещение, и Николай едва сдержался от нового вопля изумления. Оказывается, те апартаменты, в которых они сейчас находились, были всего лишь спальней, а за дверью был еще и салон. Точно! Так он и называется, наверно, адмиральский салон.

Фильм Николаю начал нравиться. Он мысленно подгонял своего адмирала, чтобы тот скорее топал на палубу. Раз в голове мутится у товарища, так самое то воздухом подышать. Глядишь и прояснится, в кого это меня занесло. Они прошли по коридору, поднялись по трапу на палубу, повернули направо и прошли еще немного.

И тут Николай буквально обомлел. Картина, увиденная им, завораживала. Вот это был пейзаж! Они находились на палубе броненосца, где-то на кормовом мостике. Прямо под ногами находилась здоровенная башня главного калибра, а справа и слева торчали стволы шестидюймовых башен. Мимо сновали люди, адмирал с ними разговаривал, но Колька этого не замечал. Вокруг был океан до самого горизонта. А за кормой нестройной колонной шли еще три броненосца. Все пушки в башнях. Круглые борта. Точно... Тип «Бородино». За ними виднелись еще какие-то корабли, но из-за жирного черного дыма, густо валившего из труб броненосцев, их невозможно было как следует разглядеть. Все это зрелище поражало своей грандиозностью, мощью и красотой! Так это же мы на «Князе Суворове», выходит, сейчас находимся! А этот здесь, судя по всему, самый главный, то есть Зиновий Петрович Роже-ственский собственной персоной. Вон как перед ним все вытягиваются. И он эту всю силушку сейчас на убой ведет!!!

Эмоции захлестнули Николая. Он напрочь забыл о своем решении не обозначать своего присутствия. Он даже не замечал, что «носитель» пытается что-то сказать, что ему явно поплохело, настолько, что картинка поплыла перед глазами, а моргая, он уже очень медленно открывал веки.

Рядом кто-то суетился, откуда-то принесли раскладное кресло и усадили адмирала, послали за доктором. А в Колькином мозгу вихрем пронеслись мысли, связанные со второй тихоокеанской эскадрой.

Вспомнилась та самая первая, еще детская обида за наших, проигравших Цусимское сражение. То непонимание, почему же они так и не смогли ничего сделать, даже и не пытались, по сути? Почему же просто тупо шли под японские снаряды, а потом и торпеды? Как мог их вести на это адмирал?! Чем он думал?! На что надеялся?! Вспоминалось все, что когда-либо читал: от хвастливых и явно не совсем достоверных описаний этого боя в японских источниках и до оправдывающих Рождественского — наших. И все, что было между этими крайностями.

Видимо, все эти картины были увиденны и тем, в чьем теле сейчас Николай находился. Он схватился за голову и взмолился: «Господи! Помогите! Наставьте на путь истинный!»

Услышав это, Николай опомнился. Ну вот! Нам теперь еще слез на глазах у подчиненных не хватало!

Собрав всю злость на этого человека, он мысленно рявкнул: «Прекратить истерику! Вы же русский офицер! Прикажите принести карандаш и бумагу, сидите, слушайте и записывайте!»

Теперь Колька знал, что надо делать, и боялся не успеть объяснить всего. Кто знает, надолго ли он тут. Кончится наркоз и все. Он тараторил все подряд, что приходило в голову. Начал с того, чтобы этот не смел орать на подчиненных. «Тебе же, дураку, с ними в бой идти! Ведь только на них, молодых и сильных, у тебя надежда! Из-под шпика ты много помощи получишь, как думаешь? Ты здесь самый главный, ты все решаешь! Только от тебя зависит, как дело повернется!» А потом, закончив выволочку, начал выкладывать все, что помнил: от боевой подготовки до отработки совместного маневрирования и связи в бою. Адмирал сначала просто слушал, как бы со стороны, но постепенно втянулся. Начал уточняющие вопросы задавать и писать.

Видимо, появился доктор, так как какой-то офицер заглядывал адмиралу в глаза, что-то спрашивал, но Николай не замолкал ни на минуту. Вскоре Рождественский встал и пошел обратно в свою каюту, отказавшись от помощи оказавшихся рядом офицеров. Просто сказал им, что устал и немного отдохнет у себя.

У дверей каюты стоял здоровенный матрос, вытянувшийся во фрунт. Адмирал приказал подать ему в каюту завтрак и заварить чаек покрепче.

Услышав это распоряжение, Николай мысленно похвалил своего носителя за правильный ход мыслей. Едва добравшись до письменного стола, продолжили быстро записывать основные идеи.

Так прошел час, два, а Нестеренко все так же оставался в голове Рождественского, и никаких признаков возвращения в свое тело не наблюдалось. Становилось все тоскливее.

Это не наркоз. Похоже, я надолго тут завис. Кто же меня сюда определил-то? И зачем? Что это за «срочное погружение»? Должен же быть какой-то смысл. Николай всегда верил, что во всем, что происходит, есть какой-то смысл. Может быть, его видно не сразу, но если

каждый на своем месте все будет делать правильно и требовать этого от других, то у всех все будет хорошо. И все встанет на свои места. Но какой был смысл совать его, далеко не морского офицера, который и море-то видел всего пару раз и то с берега, в голову командующего целой эскадрой, призванной изменить ход неудачной войны. Что я могу-то? Что понимаю? Бредятина наивная какая-то!

Вдруг все вокруг начало блекнуть и таять, и вскоре погасло совсем. Все звуки также исчезли. Так. Это еще что такое? Николай ждал довольно долго. Но вокруг ничего не происходило. Мысли в мозгу неслись галопом. А домой, к своим, хотелось неимоверно.

«Может, это испытание для меня какое-то? Может, я помирать уже начал, не зря же свет видел и к нему летел, а мне последний шанс дали, чтобы я что-то такое учудил, чего и быть-то не может? Вот эта Цусима, например. Может, для того и впихнули меня в адмиральскую голову, чтобы я его заставил все правильно делать, а он — других?»

И тут Колька снова почувствовал себя в голове Рождественского.

«Намекают, что ли? Ну, держитесь тут все! Не рады будете, что заставили!»

Дальше начались будни. Сначала у адмирала, а потом и у всех...

Много времени прошло с того дня. Николай с Рождественским можно сказать сжились, научились общаться не вслух, а так, чтобы только друг друга слышать, даже рот не открывая. Со стороны должно быть казалось: «Чапай думает». Окружающие привыкли, а остальные, да бог с ними. Но когда снаряд с «Якумо» ударил в броню носовой двенадцатидюймовой башни на «Александре III» и его осколки как метлой прошлись по амбразурам боевой рубки, искромсав и загнув защитные козырьки, отброшенный ко входу в рубку, вместе со всеми, кто там в этот момент оказался, командующий Тихоокеанским флотом России и наместник императора на Дальнем Востоке, полный адмирал Российского флота Рождественский, придя в себя, не услышал в своей голове уже привычного голоса. Выбравшись из-под окровавленных тел, почти не видя ничего вокруг и уже теряя сознание, он громко звал Николая. А потом замирал, словно прислушиваясь. Вокруг стоял чудовищный грохот яростного боя. А склонившиеся над своим адмиралом уцелевшие офицеры сочли это следствием тяжелого ранения. Белый китель быстро пропитывался кровью, в ране на голове был виден мозг.

После вспышки взрыва, погасившей все вокруг, наступила неестественная, глубокая тишина. Затем свет сошелся в одну далекую яркую точку, которая продолжала удаляться и вскоре погасла совсем. Зато появился звук. Поначалу он был глухим и невнятным, но вскоре удалось разобрать: «Приходит в себя! Надо же! В рубашке родился!»

«Это что, про меня, что ли, сейчас сказали?» Николай открыл глаза. Было очень светло. Прикрыв веки, обвел глазами вокруг. Как-то

это было необычно. Он не понимал, где находится, как попал сюда, не помнил. Но все ощущения были какими-то непривычными.

Над ним склонились четверо парней. Молодые, крепкие. У одного бровь рассечена и из раны еще течет кровь, у другого ухо покраснело и распухло, а из-под волос также стекает капелька свежей крови. Но они этого явно не замечают и хлопочут вокруг Николая.

Парни кажутся знакомыми, он где-то их видел, но вспомнить не удается. В глазах все плывет, тело болит. Как будто его, как старый ковер, повесили на забор и долго били палкой. Какие-то призрачные воспоминания тают где-то в глубине сознания, но сосредоточиться не удается. Зато руки и ноги шевелятся, уже хорошо!

Чуть присмотревшись, нашел источник яркого света. Им оказались автомобильные фары, светящие куда-то вдоль улицы. Цвет машины не разобрать, но какой-то светлый. Зато марку удалось определить, это точно «Нива». Машина тоже кажется знакомой.

С той стороны, куда светили фары, появилась «Скорая помощь». Сверкая мигалками, подкатила к ним, уверенно затормозив на скользкой дороге. «Ну еще бы, на этих узиках — скорой и полиции — уже давно и антибуksы, и антизаносы стоят, — мелькнуло у Николая в голове. — Стоп-стоп. Какой антибуks, какой антизанос? Это на узикете?! Еще скажи там АБС стоит! Хотя чего это я? АБС-ка вообще уже лет двадцать у них в базовой комплектации. Как-то перемешалось все в голове. Видно, здорово ей досталось. Ага! Припоминаю! Я домой шел. А эту «Ниву» на льду крутануло и на меня выбросило. А эти четверо на ней как раз и ехали, вот теперь и суетятся».

Из «буханки» выбрался доктор. Его встретил тот, что на «Ниве» за рулем был. Пока до пострадавшего шли, он ему рассказал вкратце, что случилось, так что врач сразу приступил к осмотру. Проверил руками Колькину голову. Потом каким-то прибором прозвонил позвоночник, подключившись к мизинцу на ноге и затылку. Спросил, как он себя чувствует и может ли говорить.

Говорить Николай Иванович мог и даже, кажется, встать уже мог. Что и попытался продемонстрировать, но ему категорически не позволили, заявив, что с этим спешить не надо. Закончив предварительный осмотр, вкололи что-то внутривенно, погрузили потерпевшего на носилки и отправили в больницу. Его сопровождал водитель «Нивы», которого так же тщательно проверили уже по дороге.

Быстро зарегистрировав в приемном покое, Николай на лифте поднялся на третий этаж. Потом, на той же каталке, что он лежал в «скорой», его начали возить из кабинета в кабинет. Сначала рентген, потом МРТ, дальше еще какие-то обследования, названия которых он и не слышал даже никогда. Николай Иванович не успевал удивляться, когда же они успели это все понаставить, правда, и был-то он в больнице в последний раз лет десять назад, когда аппендицит вырезали. Но о проблемах здравоохранения и по «ящику», и по радио каждый день

говорят. Хотя вроде там больше о врачебном чутье, которое в двадцать первом веке уже сходит на нет. Без сложной аппаратуры типа даже насморк бояться лечить. Или у них все-таки оборудования не хватает? Да пес его знает! Чего-то закружили они меня совсем. Интересно, что за пакость они мне вкатили. Глаза прямо слипаются, и все тело как свинцом налилось. Скоро имя-то свое забуду. Хоть бы закатили уже куда-нибудь в уголок да дали тихо отлежаться! Словно услышав его мысли, медики прекратили все обследования и поместили пострадавшего в отдельную палату.

«Как-то это я удачно попал!» — мелькнуло в голове у Николая. Палата одноместная, телевизор, холодильник, шкаф для одежды и даже что-то типа тахты, это, наверное, для сиделок или посетителей. «Это что же я — в люксе, выходит, лежу? Могли бы и в обычную, восьмиместную, засунуть, как сосед рассказывал. Ему, когда ураган был, по башке сучком прилетело, так его без сознания в больницу привезли и в такую палату бросили. Именно бросили, потому, что врач к нему подошел только через день, когда жена все морги обзвонила, его в этой клинике нашла и всех на уши поставила. Хотя нет. Это он про свой отпуск рассказывал то ли во Вьетнаме, то ли в Японии. А это палата как палата. После аппендицита я в такой же лежал».

Не успел Колька оглядеться как следует, как прилетела жена. Вся встревоженная, натянутая, как струна. Увидела его и сразу в слезы. «Ну, здравствуй! Приехали! Что за паника?! Считай просто на льду подскользнулся! Живой ведь! Чего реветь-то!»

Малость успокоившись, Любка рассказала, что врач, который Кольку первым осматривал, констатировал клиническую смерть в течение полутора минут. Это сразу после удара.

— Какой врач, чего он мелет! Я же помню, как «скорая» приехала!

— Это уже потом было. В той машине, что на тебя вынесло, ехали парни молодые, так вот тот, что за рулем был, военный хирург. Он в Маньчжурском округе служит, сюда в отпуск к родителям приехал. Они с рыбалки ехали, а им под колеса мальчишка какой-то сиганул с тротуара. Они от него шарахнулись, вот их на тебя и бросило. Я это сама на записи камер наружного наблюдения видела. Мне пэпээсники показывали, пока сюда везли. Считай он тебя и «откачал». «Скорая» уже только сюда привезла, да проверили тебя тут как следует. Все удивляются, как легко ты отделался, а я все поверить боялась, пока сама не увидела! Вот медики книгу там подобрали, говорят, ты нес, а после аварии выронил.

В голове у Николая вообще все пошло кувырком. Начиная от камер наружного наблюдения, которые вроде бы у них в поселке стояли только на отделении полиции, зданиях банка, администрации и школы, но это все было очень далеко от того места, где он под машину попал. А с другой стороны, какая-то вторая память подсказывала, что эти камеры уже лет восемь–девять как по всему поселку расставили. И из любой полицейской машины можно было выйти на любую из них. Колька

даже сам этим пользовался, когда их пес пропал. Тогда из патрульной машины за пять минут его выследили и нашли.

А потом этот Маньчжурский округ! Это еще что за новости. Мысли явно начинали буксовать. Глаза открывались с трудом. Он просто лежал, смотрел на свою жену и улыбался, почти не улавливая, о чем она говорит. Было хорошо и спокойно, как после очень тяжелой и ответственной работы, которая выжала весь организм до капли. Зато сейчас, с чувством полного удовлетворения, можно позволить себе отдохнуть.

Вскоре появился врач, обнаруживший почти заснувшего пациента. Люба уже просто сидела рядом и держала его за руку. Доктор принялся объяснять ей, что больному нужен отдых и лучше будет навестить его завтра.

Николай малость очнулся и сказал жене, чтобы она шла к детям, что он скоро домой вернется. Она согласилась, сунула ему в руку книжку и, поцеловав, вышла из палаты. Проводив её взглядом, Колька еще какое-то время лежал, тупо глядя в потолок. Потом решил взглянуть, что же за книжонку он сегодня урвал. Бегло пролистав страницы с текстом, начал рассматривать фотографии в конце, и тут... Его словно прострелило. Забыв про наваливавшийся еще секунду назад сон, он уселся на кровати и вылупился на картинку. Точнее даже не на саму картинку, а на подпись под ней.

Под хорошей, современной цветной фотографией было написано: «Эскадренный броненосец «Князь Суворов» — корабль-музей во Владивостоке». Еще с минуту он ошарашенно хлопал глазами, пытаясь понять, не бредит ли он. Ущипнул себя за щеку. Больно! Прислушался.

Где-то в коридоре громко работал телевизор. Шли новости. Спокойный голос диктора рассказывал о спуске на воду в Санкт-Петербурге нового авианесущего крейсера типа «Варяг».

Уже двенадцатого в серии и первого, построенного для ВМС Франции, где он будет называться «Мистраль». Всего контрактом предусмотрено строительство двух таких кораблей. Причем кормовую часть для обоих с силовой установкой строят сами французы, а уже на Балтийской верфи в доке ее присоединяют к готовому корпусу. Часть вооружения также будет французским. Но в составе авиагруппы будут российские самолеты с вертикальным взлетом Як-141.

«Вот это да! Так это мы французам «Мистрали» строим, а не они нам? Хотя чему тут удивляться? У них был Трафальгар, а у нас была ЦУСИМА!» И при этом воспоминании всплыли ассоциации о невиданном ни до, ни после разгроме, и... огромная гордость за страну и флот, этот разгром учинивших. За эту невероятную и блестящую победу кое-как собранной, недоученной, измотанной восьмимесячным переходом в тяжелых условиях эскадры над мощным, опытным, перевооруженным, подготовленным и отдохнувшим японским объединенным флотом!

Теперь все встало на место. Теперь все так, как и должно быть. Пу-таница в голове моментально улеглась. Навалилась огромная усталость, и Николай Иванович провалился в крепкий здоровый сон.